

РУССКИЙ ЯЗЫК В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

О. В. Зуева (Минск)

ВАРИАТИВНОСТЬ НОМИНАЦИЙ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ В СТАРОРУССКИХ ДОКУМЕНТАХ XVI–XVII В.

Ценными источниками по истории белорусских топонимов и оттопонимных номинаций являются памятники деловых отношений Московского царства и Речи Посполитой XVI–XVII вв. В 1960–70-х гг. коллективом ученых из Белорусского государственного университета были подготовлены и опубликованы два сборника: «Русско-белорусские связи. Сборник документов» (1963) и «Русско-белорусские связи во второй половине XVII века» (1972). В сборниках представлены разные жанры документов: расспросные речи, отписки, записи из таможенных книг, челобитные, поручные записи и другие. Хронологический охват – 1570–1680-е гг. Тексты являют собой образцы старорусской деловой речи; в публикациях представлены также примеры записей на «простой мове».

Данные документы позволяют исследовать в историко-лингвистическом аспекте белорусские катойконимы. Указание на то, выходцем из каких местностей является участник деловой ситуации, является в документе обязательным. Однако не всегда в таких формулах употребляются катойконимы. Вместо них нередко вводятся относительные прилагательные, образованные от названий городов, и конструкции с родительным падежом: *из Литовские земли из города ис Кричева торговые люди Сенька Иванов да Гаврилка Федаров* (1580, отписка почепского воеводы) [4, с. 11]; *а на Москве в роспросе Микитка сказался: родом литвин-белорусец ис Копыси, мещанской сын* (1629, расспросная речь) [4, с. 103]; *иноземец королевского величества быховской житель Июдка Исаев* (1678, челобитная, формула самопрезентации) [5, с. 252]; *купец места его королевской милости могилевского едет царского величества в землю город Бранск* (1647, лист рославльского подстаросты) [4, с. 207]. В последнем примере отражен принцип обозначения города через словосочетание с относительным прилага-

тельным, образованным от названия города, см. ту же модель: *будучи в городе Виленском* (1646, челобитная торопецкого купца) [4, с. 203]; *иноземец Витепского города Софонко Яковлев* (1672, расспросная речь, Смоленск) [5, с. 98]. В таких конструкциях традиционно употребляются слова *житель, уроженец, выходец, иноземец*, а также *породою, родом*.

Состав представленных в документах катойконимов достаточно ограничен; употребление их обусловлено деловыми отношениями и торговыми связями, осуществлявшимися в тех регионах, где документы составлялись (например, Вязьма, Калуга, Москва). Это номинации *вильневец, витеблянин, дубровленин, лукомлянин, оришанин, полочанин, могилевец, шкловец* и некоторые другие. При небольшом количестве производящих основ мы выявили достаточно широкое варьирование производных. Среди вариантов можно выделить явно преобладающие номинации и редкие, даже единичные.

Так, катойконим *могилевец* был основным и использовался в том числе для самоназвания. Ср. рукоприкладства в челобитной: *Mohilowiec mieszanin Zacharka Autuchiewicz ruku przyłożył. Mohilowiec mieszczanin Malachey Andreiew syn ruku przyłożył* (1677, коллективная челобитная [5, с. 228]. В таможенных книгах г. Вязьмы представлена номинация *мигилевец*: *явил иноземец мигилевец Осип Литманов 100 кос* (1673) [5, с. 113]; *явил иноземец торговой человек мигилевец Филимон Семенов 2 пуду анису* (1679) [5, с. 270]. Ср.: *а сказался города Мыгилева* (1649, отписка трубчевского воеводы) [4, с. 218–219]; *Сказался города Мигилева мещанин Иван Герасимов сын Курбицкий* (1668, расспросные речи, Москва) [5, с. 16] – данный вариант графически отражает произношение с межслоговым уподоблением гласных, которое было свойственно речи самих могилевцев, живших в XVII в. Форма *Мигилевъ* встречается в изданиях вплоть до начала XX в.

Другой фонетический вариант, отраженный на письме, – *могылевцы*; здесь, очевидно, передано произношение с неполной мягкостью заднеязычного согласного: *белороссийских городов могылевцы и случане* (1677, коллективная челобитная, формула самопрезентации [5, с. 228].

Номинация *могилевитин* отмечена только в таможенных книгах Дорогобужа на Смоленщине, в записях разных лет, но только в этом регионе. Может быть, она возникла под влиянием слова *москвитин*.

Жители Копыси – *копошане*, а также р. п. мн. ч. *копышан*, ед. ч. *копышенин*; в листе невелинского воеводы 1636 г. представлена форма без чередования [с'] // [ш] *копысяне* [4, с. 143].

Варианты написаний названия жителей Слуцка: *случанин, слудчанин, слутчанин, слудченин*. Варианты написаний отражают ассимиляцию, в том числе полную.

Название жителей Полоцка: *полочанин, полоченин*. Форма *полченин*, отмеченная в таможенных книгах Вязьмы разных лет (1649, 1651), образуется от варианта топонима *Полтеск*.

Крайне редки номинации с формантом *-ин-*: *дубровнин* (житель Дубровно) и *на друине* (житель Друи). Это единичные номинации, ср. не единичные: *дубровленин, дубровлянин*; и. п. мн. ч. *дубровляня; друинин, у друенина, на друинене, на друянине*; и. п. мн. ч. *друяне*. Возможно, *дубровнин* и *на друине* – это описки, однако можно предположить и другое: в результате гаплогонии два акустически подобных слога объединились писцами в один.

Больше всего вариантов отмечено у названий жителей Витебска: *витепченин, витеблянин, витьяпленин, вятиблянин, видблянин; у видбленина; витьяблянину, вятиблянину; на витебленине, на витебленине*; и. п. мн. ч. *витепленя, видбляне, видбляня; на витеблянех*. Формы образуются от основ *Витеб-* и *Витьб-*. Написание *витеблянин* встречается реже, чем написание *витебленин*. Отмечена также номинация *витепченин*: *...вышел из Витепска на Белую на твое государево ... имя витепченин белорусец посацкой человек Артюшка Тиханов (1633, отписка бельского воеводы) [4, с. 118].*

Необходимо обратить внимание на варианты написания *анин/янин/енин/инин* в целом ряде катойконимов (названия жителей Слуцка, Друи, Дубровны, Полоцка, Витебска). Мы полагаем, что такие фонетические написания отражают безударный характер суффикса или хотя бы наверняка безударный характер первого слога суффикса. Следовательно, ударение в древнем слове отличалось от ударения в современном катойкониме.

Вопросы древне- и старорусской акцентуации сложны; известно, что на протяжении столетий у множества слов происходила смена акцентных парадигм. В истории ряда катойконимов отражено перемещение ударения с корня на суффикс. Так, в книге А. А. Зализняка «Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь» (2014) приведены многие восточнославянские катойконимы с указанием ударения, явно отличающегося от современного. Например: *во́логжанин, калу́жанин, ла́дожане, москвѣ́чи, псковѣ́чи, рже́вѣтин, тверѣ́чи* и другие. Из катойконимов, связанных с историческими белорусскими землями, в словаре представлены *витьбля́не* [3, с. 614]; *полоча́нин*, но но-

вое *полочанин*, при этом мн. ч. *полоча́не* [3, с. 650]. Как видим, формы единственного и множественного числа различались ударением.

Исходя из этих данных, полагаем, что есть все основания считать, что слова *слутчанин*, *витеблянин*, *дубровлянин*, *дружанин*, *оршанин* имели фиксированное ударение на корне в форме единственного числа, отсюда варианты написаний типа *друенина*, но *на друинене*. В формах множественного числа в наших источниках встречаются только написания на *-ане* – это может указывать на то, что суффикс всегда был ударным: *дубровляня*, *оршаном*, *полочане*, *шкловяна* и другие примеры.

Отметим яркий пример описанного соотношения форм в челобитной 1677 г.: номинация *слутчанин* в записи рукоприкладства имеет следующий вид: *Sluczinin mieszczenin slucki Siemien ruku pryložyl* [4, с. 228]. При этом в формуле самопрезентации, записанной кириллицей, форма приведена так: *...и белорусийских городов могилевцы и случане* [там же]. То есть, полагаем, перед нами передача «икающего» произношения безударного суффикса в форме единственного числа и передача четкого произношения ударного суффикса в форме множественного числа – в данном случае посредством разных графических систем.

На каком слоге корня стояло ударение в слове *витеблянин*, если оно не падало на суффикс? В словаре А. А. Зализняка о названии города Витебска в акцентированных памятниках указано следующее: «*Витьбѣск* (Р. п. *Витѣбска*); новая акцентная парадигма *а*: чередование ударного *те//ви*: *Вѣтебскъ*, *Вѣтѣнск*» [3, с. 614]. Ср. известную белорусскую поговорку: *Кепска ў Віцебску*. Значит, можно предполагать, что и в катойкониме в зависимости от территории составления документа произносилось либо ударное *-те-*, либо ударное *-ви-*.

Среди всех формальных средств образования катойконимов самый частотный и активный – суффикс *-анин*, *-янин* (исторически – контаминация суффиксов *-ан-* / *-ян-* со значением лица и суффикса *-ин-* со значением единичности; это древний этнонимический суффикс). Катойконимы с суффиксом *-ец-* в изученных текстах представлены образованиями от основ на *-ов*, *-ев*, *-ав*, *-но/-на*: *быховец*, *могилевец*, *мстиславец*, *дубровенец* (но также *дубровлянин*), *вильневец* (но также р. п. мн. ч. *вильнян*).

Что произошло в истории русского языка с данными суффиксами и производными при их помощи номинациями? В словаре «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариан-

тов» (2001) указано: «Взаимодействие суффиксов *-ец* и *-анин* началось еще в древнерусском языке и шло под знаком вытеснения суффикса *-анин (-ане) <...>* Суффикс *-анин* удерживал свои позиции только в книжной исторической лексике, но и здесь в конце XVIII – начале XIX в. появляются дублетные образования» [2, с. 389]. На описываемом нами хронологическом промежутке о вытеснении суффикса *-анин* речи не идет. Например, сегодня нормативной считается только номинация *шкловец* – в проанализированных текстах XVI–XVII вв. представлены катойконимы и *шкловец*, и *шклов(л)янин*; сегодня сосуществуют варианты *оршанец* и *оршанин* – в изученных текстах только *оршанин*; сегодня *дубровенец*, *дубровенцы* – в документах *дубровленин*, *дубровлянин*, *дубровнин* (современные нормативные формы см: [1]). Примеры можно продолжать. Вариант *витебцы*, фиксируемый в современной справочной литературе, изученным нами источникам вообще не известен. Немногочисленные новые номинации с суффиксом *-анин* (*могилевчанин*, *быховчанин*), очевидно, результат аналогии. Аналогическим оказалось и обобщение ударения на суффиксе *-анин* в формах как единственного, так и множественного числа.

1. Городецкая, И. Л. Русские названия жителей: Словарь-справочник / И. Л. Городецкая, Е. А. Левашов. – М.: Астрель, 2003.

2. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М.: Наука, 2001.

3. Зализняк А. А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2014.

4. Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667 гг.). – Минск: Высшая школа, 1963.

5. Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667–1686 гг.). Сборник документов. – Минск: Издательство БГУ, 1972.